

Содержание

Преступление Сильвестра Бонара. <i>Перевод Е. Корша</i>	5
Боги жаждут. <i>Перевод Б. Лившица</i>	199

Первая часть

ПОЛЕНО

24 декабря 1861 года

Я переоделся в халат и надел туфли; отер слезу, навеянную мне на набережной холодным, резким ветром. Яркий огонь пылал в камине, озаряя мой кабинет. Ледяные узоры листьями папоротника распустились на оконных стеклах, скрыв от меня Сену, ее мосты и Лувр Валуа.

Придвинув кресло и столик ближе к топке, я занял у огня место, милостиво оставленное мне Гамилькар. Перед решеткою камина, на перинке, клубком свернулся Гамилькар, уткнувшись носом в лапы. Густой и легкий мех его вздымался от ровного дыхания. Когда я подошел, он мягко глянул агатовыми зрачками сквозь полусомкнутые веки и тотчас их закрыл, подумав: «Ничего, то друг».

— Гамилькар, — обратился я к нему, вытягивая ноги, — Гамилькар, дремлющий принц обители книг и ночной страж, ты защищаешь от подлых грызунов рукописи и книги, приобретенные старым ученым благодаря скромным сбережениям и неослабному усердию. Среди безмолвия библиотеки, хранимой твоими воинскими доблестями, Гамилькар, спи в неге, подобно султанше: ибо ты сочетаешь в облике своем грозный вид татарского воина

с дебелой прелестью восточной женщины. Героический и сластолюбивый Гамилькар, спи до того часа, как в лунном свете запляшут мыши перед *Acta Sanctorum** ученых боландистов.

Начало этой речи понравилось Гамилькару, вторившему горловым звуком, похожим на клокотанье чайника. Но как только я возвысил голос, Гамилькар, приложив уши и морща полосатый лоб, предупредил меня, что декламация такого рода вовсе неуместна.

Он мыслил:

«Этот старокнижник говорит без толку, а вот наша Тереза произносит слова, всегда исполненные смысла, полные реальности, то возвещая еду, то обещая порку. Знаешь, о чем идет речь. Этот же старик соединяет звуки, не значащие ничего».

Так думал Гамилькар. Предоставив ему свободу размышлять по-своему, я раскрыл книжку и стал читать с особым интересом, ибо то был каталог рукописей. Не знаю чтения более легкого, приятного и завлекательного, нежели чтение каталогов. Данный каталог, составленный в 1824 году библиотекарем сэра Томаса Ралея, господином Томпсоном, грешит, правда, чрезмерной краткостью и не дает той точности, какую архивисты моего поколения первыми ввели в палеографию и дипломатику: он оставляет место для разных пожеланий и догадок. Поэтому, быть может, его чтение рождает во мне чувство, какое в природе, одаренной большим воображеньем, следовало назвать мечтательностью. Я мирно отдавался блужданию своих мыслей, когда моя домоправительница угрюмо положила, что меня спрашивает г-н Кокоз.

Кто-то действительно проник за ней в библиотеку. Это был человек маленького роста — жалкий, тщедушный

* «Жития святых» (лат.).

человечек в поношенной визитке. Человечек направился ко мне, приветствуя меня улыбочками и кивками головы. Но он был очень бледен и, несмотря на молодость и живость, вид имел больной. При взгляде на него я мысленно представил себе раненую белку. Под мышкой он принес зеленый сверток и водрузил его на стул, затем, развязав четыре конца свертка, открыл передо мною кипу желтых книжек.

— Сударь, — сказал он, — я не имею чести быть вам знакомым. Я книжный агент, представитель главных столичных фирм, и, в надежде, что вы почтите меня своим доверием, беру на себя смелость предложить вам несколько новинок.

Боги милостивые! Боги праведные! Что за новинки предложил мне гомункул Кокос! Первый том, врученный мне, оказался «Историей Нельской башни» с любовными приключениями Маргариты Бургундской и капитана Бурридана.

— Это книга историческая, — сказал он улыбаясь, — история правдивая.

— В таком случае она скучна, — ответил я, — ибо книги исторические, когда не лгут, бывают очень нудны. Я сам пишу книги правдивые, но если б, на свое несчастье, вы стали предлагать любую по домам, то рисковали бы носить ее в вашей зеленой сарже до конца дней своих, не находя даже кухарки, желающей купить такую книгу.

— Разумеется, сударь, — ответил мне человечек чисто из любезности и, продолжая улыбаться, показал мне «Любовь Элоизы и Абеяра»; но я дал ему понять, что в моем возрасте не до любовных приключений.

Все еще с улыбкой, он предложил мне «Правила игр в обществе»: пикет, безик, экарте, вист, шашки, шахматы и кости.

— Увы, — сказал я, — если хотите мне напомнить правила безика, верните на землю старого друга моего Биньяна, с которым играл я в карты каждый вечер до той поры, когда пять академий торжественно свезли его в могилу, или низведите до вздорности игр человеческих серьезный ум Гамилькара, спящего перед вами на подушке, теперь единственного участника моих досужих вечеров.

Улыбка человека стала бледной и тревожной.

— Вот, — сказал он, — новый сборник развлечений в обществе: шутки, каламбуры и способ превращать красную розу в белую.

Я ответил, что розы уже давно со мною не в ладах, а шутки — с меня достаточно и тех, какие позволяю я себе в моих научных изысканиях, помимо своей воли.

Гомункул протянул мне последнюю книгу с последней улыбкой:

— Вот «Сонник», разъясняющий всевозможные сны: о золоте, ворах, о смерти, о падении с высокой башни. Это самый полный.

Я взял каминные щипцы и, оживленно помахивая ими, ответил моему коммерческому гостю:

— Да, мой друг, но эти сны, как тысяча других, веселых и трагичных, все сводятся лишь к одному — сну жизни; а даст ли ваша желтая книжонка его разгадку?

— Да, сударь, — ответил гомункул. — Книга самая полная и недорогая: франк двадцать пять сантимов.

Я не продолжил разговора с книгоношей. Не стану утверждать, что я сказал те именно слова, какие привожу. Возможно, что в письменной передаче я их немного и распространил. Очень трудно соблюсти буквальную истину даже в дневнике. Но если разговор был не совсем таким, то таков был его смысл.

Я кликнул домоправительницу, так как звонка в моей квартире нет.

— Тереза, проводите, пожалуйста, господина Кокоза; а впрочем, у него есть книга, быть может интересная для вас. Это «Сонник». Буду счастлив принести его вам в дар.

Тереза ответила:

— Коли нет времени грезить наяву, так уж во сне-то и подавно, слава Богу! У меня — довлеет дневи злоба его, а злобе — день, и каждый вечер могу сказать: «Господи, благослови меня, отходящую на покой». Не вижу снов ни стоя, ни лежа и не принимаю свой пуховик за черта, как то случилось с моей родственницей. А ежели разрешите мне иметь свое мнение, скажу, что книг здесь и так достаточно: у барина их не одна тысяча, и от этих-то голова у него идет кругом, а с меня хватит и моих двух — молитвенника да поваренной книги.

Высказав это, Тереза помогла человечку запаковать в зеленую саржу его товар.

Гомункул Кокоз больше не улыбался. В поникших чертах его лица явилось выражение такого страдания, что я раскаялся в своих насмешках над столь несчастным человеком. Я вернул его, сказав, что краем глаза подметил у него экземпляр «Истории Этели и Неморена», что очень люблю пастухов и пастушек и охотно бы купил за сходную цену историю этих двух идеальных любовников.

— Я отдам вам эту книгу за франк двадцать пять, — ответил мне Кокоз с сияющим от радости лицом. — Это историческая книга, вы будете довольны. Теперь я знаю, что вам подходит. Вижу, вы знаток. Завтра принесу вам «Папские преступления». Это хорошее произведение. Доставлю любительский экземпляр, с рисунками в красках.

Я попросил его не беспокоиться, но все же он ушел довольный. Когда зеленый узел вместе с книгоношей исчез во мраке коридора, я спросил домоправительницу, откуда к нам свалился этот жалкий человечек.

— Подлинно, что свалился, — ответила она. — К нам он свалился из-под крыши, где живет с женой.

— Вы говорите, Тереза, — у него жена? Чудно! Женщины престранные создания. Наверно, это плохонькая женщина.

— Хорошо не знаю, какова она, — ответила Тереза, — но вижу каждый божий день, как она треплет по лестнице свои шелковые платья в сальных пятнах. Глаза у нее так и светятся, а, по чести говоря, разве такие глаза и шелковые платья подобают женщине, которую приютили тут из милосердия? И на чердак-то их пустили только на время, пока чинится крыша, пожалев, что муж больной, а жена в интересном положении. Привратница еще сегодня говорила про нее, что она с утра почувствовала боли и сейчас уложили ее в постель. Очень им нужен этот ребенок!

— Тереза, он, несомненно, им не нужен, но природа захотела, чтобы они произвели ребенка; она поймала их в свою ловушку. Нужно примерное благоразумие, чтобы избежать хитростей природы. Так пожалеем их и не станем поносить. А что до шелковых платьев, то нет женщины, которая бы не любила их. Дщери Евы любят наряды. Вы сами, Тереза, такая степенная, разумная, — а какой крик вы поднимаете, если не окажется у вас белого фартука, когда вам надо подавать к столу. Скажите-ка, а есть ли у них на чердаке самое необходимое?

— Ну откуда у них быть? Муж, что вы видели, был агентом по ювелирной части, как сказывала мне привратница, и неизвестно, почему он бросил продавать часы. Теперь торгует альманахами. Разве это честное занятие? И никогда я не поверю, что Бог дарует свое благословение торговцу альманахами. А, между нами, жена его, судя по всему, — дрянь: где день, где ночь. Сдается мне, она годна воспитывать ребенка, как я — играть на гитаре. Невесть

откуда взялось все это, но только я уверена, что прибыли они по Нишей дорожке из Беззаботной стороны.

— Откуда бы ни прибыли они, но это бедняки, Тереза, а на чердаке холод.

— Еще бы! Крыша прохудилась в нескольких местах, и дождевая вода по швам проходит на чердак. У них нет ни белья, ни мебели. Ни столяр, ни ткач не работают, думается мне, на христиан из этой братии.

— Это очень печально, Тереза. И вот вам — христианка, а обеспечена необходимым хуже, чем этот язычник Гамилькар. Что говорит она сама?

— С такими людьми я никогда не разговариваю. Не знаю ни что она говорит, ни что она поет. А поет она целый день. Я слышу ее с лестницы, и когда ухожу и когда возвращаюсь к себе домой.

— Ну что ж! Наследник Кокоза мог бы сказать, как яйцо в деревенской загадке: «Мать родила меня с песней». Подобный же случай был и с Генрихом Четвертым. Жанна д'Альбре, почувствовав родовые боли, запела старинное беарнское песнопение:

Божья Матерь с конца моста,
Помоги мне в этот час.
Проси у Бога родов счастливых
И даровать мальчишку мне.

Конечно, производить на свет несчастных неразумно. Но, милая моя Тереза, это происходит ежедневно, и всем философам мира не удастся изменить этот глупый обычай. Госпожа Кокоз ему последовала и поет. Скажите-ка, Тереза, вы готовили сегодня суп?

— Да, сударь, я поставила его, и сейчас самое время пойти снять пену.

— Очень хорошо! Но не преминьте, Тереза, отлить из котелка добрую мисочку бульона и отнести ее нашей сверхсоседке, госпоже Кокоз.

Моя домоправительница было ушла, но я добавил весьма кстати:

— Тереза, прежде всего будьте добры позвать вашего приятеля дворника: накажите ему взять в нашем дровяном сарае хорошую вязанку дров и отнести ее к Кокозам на чердак. И особенно пусть не забудет положить в вязанку большое полено — настоящее рождественское полено. Что же касается гомункула, прошу вас, если он придет опять, не пускать дальше моей двери — ни самого, ни желтых его книжек.

Сделав эти мелкие распоряжения с утонченным эгоизмом старого холостяка, я снова принялся за чтение каталога.

С каким волнением, с каким смятением, с какой тревогой нашел я там заметку, которую я даже не могу переписать без трепета в руке:

Златая легенда Якова Генуэзца (Якова Ворагинского), французский перевод, маленькое in quarto.

Эта рукопись XIV века, кроме довольно полного перевода известного Якова Ворагинского, содержит: 1) жития святых — Фереоля, Феруция, Жермена, Винцента и Дроктовея; 2) поэму «О чудесном погребении святого Жермена Осэрского». Перевод житий и поэма принадлежат перу клирика Жана Тумуйе.

Рукопись на тонком пергаменте включает большое количество титульных букв и две миниатюры тонкого письма, но плохой сохранности: одна изображает «Сретенье Господне», другая — «Венчанье Прозерпины».

Какое открытие! Пот выступил у меня на лбу, и затумилились глаза. Я вздрогнул, покраснел и, не в силах говорить, испытывал потребность громко крикнуть.